

О ТОМ, КАК МАЛЕНЬКАЯ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ОШИБКА ВЫЗВАЛА БОЛЬШОЙ ПЕРЕПОЛОХ В УЧЁНЫХ КРУГАХ

(Необходимые пояснения и дополнения к давней статье А. В. Лосева)¹

Впервые об этой удивительной истории я услышал много лет назад – в сентябре 1974 года, который сейчас, с большой временной дистанции, видится в дымке. Отчасти, наверное, потому, что тогда, только-только став студентом отделения русского языка и литературы БГПИ, я ещё пребывал в состоянии лёгкой эйфории. Впрочем, праздничное головокружение продолжалось недолго, совсем скоро нас так основательно загрузили учебными заданиями, что на ум всё чаще начали приходить нехрестоматийные строчки певца народной скорби и печали Некрасова: «Праздник жизни – молодости годы – я убил под тяжестью труда...» И острота ощущений вскоре тоже пошла на убыль. Но тогда, в самые первые студенческие недели, многое было новым, ярким, а потому впечатывалось в память.

Благодаря прежде всего старшекурсникам, мы уже имели представление о ведущих преподавателях. Наслышаны были и о Лосеве, о его потрясающей эрудиции, о том, что это настоящий учёный.

И вот первая его лекция по введению в литературоведение. Вместительная 340-я аудитория заполнена почти под завязку: нас, первокурсников, не в пример сегодняшним бюджетным наборам, за восемьдесят: три группы по 25 полноценных студентов и ещё почти десяток «кандидатов», у которых есть право в случае успешной сдачи сессии заполнять освобождающиеся места.

Тема вводной лекции как будто бы не обещает ничего яркого: цель, задачи, содержание курса, основные и вспомогательные литературоведческие дисциплины. Анатолий Васильевич за кафедрой сродни дисциплине и теме: сух, академичен, обстоятелен. Обликом, манерами, речью, действительно, вылитый учёный, именно таким я и рисовал в своём воображении образ вузовского преподавателя. Размеренно, но без намёка на «разжёвывание» или уже знакомую по лекциям некоторых других преподавателей «диктовку», как будто бы без малейшего напряжения озвучивает одну сложную мысль за другой. Все формулировки как из добротного учебника – идеально выстроенные, выверенные, ни единого выпадающего из контекста, неорганичного или необязательного слова. Рука моя быстро деревенеет, ибо не привыкла в таком темпе записывать. Голова пухнет – и от обилия терминов, и от объёма «сухой» теории, которую нужно на лету схватить, в самых общих чертах понять и в препарированном, сокращённом виде мгновенно передать на кончик шариковой ручки. Но лектору, похо-

же, дела нет до моих проблем, до того, успеваю ли я записывать. Пройдёт немного времени, и я пойму: в такой манере не было и тени желания «поумничать», «покрасоваться» перед студентами, показав свою «учённость», никакого высоколобного снобизма. В нашем лице Анатолий Васильевич предполагал людей, сделавших сознательный выбор, испытывающих такой же профессиональный интерес к филологии, как и он. Для нас, первокурсников, в такой академичной форме подачи материала была несомненная польза. Ибо, с первой лекции задавая высокий теоретический уровень, не делая никаких скидок, лектор тем самым как бы посылал аудитории важный сигнал: «Вы поступили в вуз, ликбезом с вами никто заниматься не будет; хотите понимать язык высокой науки – усваивайте необходимый понятийный аппарат, учите терминологию. Не успеваете за мыслью преподавателя, чего-то недопонимаете на занятиях – овладевайте материалом самостоятельно, читайте специальную литературу».

Ещё одной «фирменной» особенностью лекций Лосева было богатое и разнообразное иллюстрирование озвучиваемых теоретических постулатов, обращение к широчайшему историческому, общекультурному, литературному контексту. Иногда он увлекался, и его «заносило» очень далеко, но потом, спохватившись, он словно одёргивал себя, с видимой неохотой возвращаясь к азам, которые, в соответствии с требованиями учебной программы, нужно было излагать студентам. Наверняка и на той первой лекции он приводил массу интереснейших примеров, много цитировал. Но, увы, как ни понюкаю сейчас свою память, она не отзывается. Может быть, тогда сработал стереотип: зачем долго удерживать то, что в принципе можно почерпнуть в книгах, учебниках? Но вероятнее всего другое объяснение: то, что любимый Лосевым поэт называл «решётками памяти», скорее всего, удержало большую часть примеров, но не в жёсткой привязке к той первой лекции, просто пополнив наш культурный багаж.

А вот заключительная часть лекции и сейчас вспоминается отчётливо, словно я слушал её совсем недавно. Лосев рассказывал о текстологии – одной из литературоведческих дисциплин, занимающейся, в том числе, проблемами атрибуции. Но пример привёл не «классический», не «типовой», а из собственной научной практики. И был он в этот момент более эмоционален, чем обычно, даже, пожалуй, чуточку взволнован, больше и энергичней жестикулировал. Много лет спустя, в начале двухтысячных, разбирая его архив, впервые прочитав его статью «Ошибку надо исправить», я понял, что А. В. на лекции в сжатом виде изложил нам часть её содержания – историю своего открытия, не особенно заостряя внимание на реакции официальной советской науки. То есть

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

нам он тогда показал преимущественно верхнюю часть айсберга.

В лекции прозвучало и то, что в статью не попало. Так, например, А. В. рассказал нам, как состоялось открытие, точнее, с чего всё началось. Дело было так. Он просматривал комплект газеты «Амурский листок» за 1911 год, как всегда, делая пространные выписки, прежде всего копируя встречающиеся художественные произведения амурских авторов (нелишне заметить, что таким образом Лосев проработал практически всю найденную им в разных архивах и библиотеках периодику Сибири и Дальнего Востока). И вот в одном из номеров газеты он наткнулся на неизвестное ему стихотворение «Не браните вы музу мою...» за подписью «Ив. Морозов». И хотя Лосев сразу понял, что Ив. Морозов – это малоизвестный крестьянский поэт Иван Игнатьевич Морозов, не имевший никакого отношения к Приамурью, хотя догадался, что стихотворение, скорее всего, просто перепечатано из какого-то столичного периодического издания, текст он «на всякий случай» переписал. И забыл... Никакого повода вспоминать переписанное стихотворение не было.

Прошло несколько лет. И вот в конце 60-х началось издание Полного собрания сочинений Горького. Когда из печати вышел первый том и А. В. стал его просматривать, в третьем разделе, «Произведения, не публиковавшиеся автором. Незаконченное. Наброски», он сразу обратил внимание на стихотворение, начинавшееся строчкой «Не браните вы музу мою». Как он объяснил нам, «показалось, что где-то я уже это стихотворение встречал, причём не в связи с Горьким. Но где именно, вспомнил не сразу». Вскоре его осенило: да это же то самое стихотворение, которое он когда-то переписал из «Амурского листка»...

С этого всё и началось. А дальше последовала долгая, растянувшаяся на много месяцев, кропотливая исследовательская работа, потребовавшая обращения к архивным источникам, к редчайшим периодическим изданиям.

В 1980 году, когда я получил приглашение работать на кафедре, мне посчастливилось вести за Анатолием Васильевичем практические занятия по советской литературе. Иногда в разговорах он в той или иной связи касался данного сюжета, приводил какие-то подробности. Помню, что, упоминая о некоторых известных литературоведах, так или иначе причастных к этой истории, он говорил о них с лёгкой презрительно-ироничной усмешкой.

Чем она была вызвана, мне стало более понятно много позже, когда я разбирал часть архива Лосева, переданного на кафедру его сыном Владимиром. Причём подплёка, тайные пружины, сам сюжет этой интриги открылись не сразу. Общая же картина сложилась совсем недавно, во время подготовки к печати избранных трудов Лосева². Только тогда мне удалось найти некоторые письма, пролившие свет на важные обстоятельства, о которых я прежде и не подозревал. Но обо всём по порядку.

² Лосев А. В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / Составление, редактирование, вступительная статья, примечания А. В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 348 с.

Обнаружив в первом томе полного собрания сочинений М. Горького атрибуционную ошибку и выявив в результате проведённого исследования обстоятельства и причины, приведшие к ней, А. В. Лосев вовсе не собирался «уличать» в некомпетентности редакторов Полного собрания сочинений (ПСС) и отечественных горьковедов. Изложив суть своего открытия, он отправил статью в журнал «Вопросы литературы», руководствуясь благородной целью – помочь установить истину, исправить, как он писал, «ошибку, которая тридцать с лишним лет была источником многих недоразумений».

Статья «Ошибку надо исправить» в нашем альманахе печатается по машинописной рукописи, найденной в архиве А. В. Лосева. Рукопись не имеет авторской датировки, но нетрудно определить, что написана она в период между сентябрём 1971 и мартом 1972 (чуть ниже станет понятно – почему).

Кроме неё, в архиве хранится машинописная рукопись в двух экземплярах (с авторскими пометками от руки: «1-й экз.», «3-й экз.»), озаглавленная «М. Горький или И. Морозов?», которая является ранней редакцией данной работы. Она тоже предназначалась для публикации в «Вопросах литературы», но была редколлегией отклонена – об этом можно судить по публикуемому ниже письму О. Смоля. На последнем листе рукописи с пометкой «3-й экз.» есть подпись автора и выведенная его рукой дата: «Май 1971 г.».

В архиве учёного обнаружено и упомянутое выше письмо сотрудника редакции «Вопросов литературы» с обоснованием отказа в публикации статьи «М. Горький или И. Морозов?». Текст письма отпечатан на официальном бланке журнала.

27 сентября 1971 г.

Уважаемый Анатолий Васильевич,

в принципе Ваша статья может быть напечатана, если учтёте однако наши пожелания.

Мне кажется, надо убрать из статьи разного рода полемические узоры, уколы и придирки – подчас они вытесняют главное. Пишите спокойней. Не следует мельчить работу неуважением и унижением своих предшественников³.

Не все Ваши аргументы выдерживают проверку. Сопоставление текстов стихотворений «Не браните...» и «Тому на свете...» с их «морозовскими» вариантами проведено точно. Но вывод едва ли бесспорный. Очевидно, это не просто ранний и более поздний варианты стихотворений одного авто-

³ Это утверждение нельзя признать справедливым: никакого унижения предшественников, неуважения к ним, уколов, придирок в их адрес в статье «М. Горький или И. Морозов?» на самом деле нет. Полемика в работе есть, но вполне корректная. И мотивированная, ибо как обойтись без «полемических узоров» (спасибо О. Смолу за невольный комплимент), если грубую ошибку сотворили, более трёх десятилетий тиражировали, своим авторитетом подкрепляли не какие-нибудь аспиранты, не дилетанты от науки, а маститые учёные, ведущие советские исследователи творчества Горького. Почему же они должны быть закрыты от критики, почему разбор их ошибок воспринимается редактором журнала как нечто совершенно недопустимое, оскорбительное по отношению к ним?

ра. Поздние варианты стихотворений возникли в результате редактирования другого автора. Обратите внимание на то, что в стихотворении «Не браните...» – в его позднейшем варианте, т. е. обработанном Горьким, содержится новый мотив. Случайно ли в нём говорится о поэте-самоучке? Не привнёс ли Горький в стихотворение своё отношение к его автору?

Опрометчиво Вы ставите вопрос о почерке Горького. Автографы являются несомненно горьковскими (это мы проверили в Институте мировой литературы им. Горького).

Из сути Вами открытых фактов представляется наиболее конструктивным аспект «Горький и Морозов», а не «Горький или Морозов».

Если Вы согласны с нашими замечаниями, переделайте статью и пришлите.

С уважением, редактор О. Смола.

Очевидно, откликаясь на предложение «переделать статью» в соответствии с редакционными замечаниями, А. В. Лосев и подготовил вторую, смягчённую редакцию, освобождённую от ряда полемических суждений автора и от части приводимых им прежде цитат из работ видных советских горьковедов. Сменилось и название: с «М. Горький или И. Морозов?» на «Ошибку надо исправить».

Однако и эта редакция, в которой были учтены практически все замечания журнала, «Вопросами литературы» была забракована. Причём в более категоричной форме – теперь даже без намёка, что публикация возможна при условии внесения автором ещё каких-то поправок. О причине перемены настроений в редакции догадаться нетрудно: со статьёй ознакомились влиятельные учёные-горьковеды из ИМЛИ, в том числе А. И. Овчаренко, являвшийся к тому же заместителем главного редактора Полного собрания сочинений Горького – то есть человек, несущий основную ответственность за текстологические ошибки в издании. Статью Лосева отвергли и потому, видимо, что не хотели открыто признавать промах известных учёных (в состав редакционной коллегии издания входил цвет отечественного литературоведения: А. И. Метченко, А. И. Овчаренко, Б. Л. Сучков, Е. Б. Тагер, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина), и потому, что боялись, наверное, умалить авторитет «основоположника литературы социалистического реализма». Желание редколлегии ПСС Горького сохранить таким сомнительным способом «честь мундира» и предопределило всё дальнейшее...

Не так давно в мои руки попали два явно скоординированных письма – из ИМЛИ и «Вопросов литературы» (оба на соответствующих официальных бланках). Привожу их целиком и с попутными комментариями.

9 февраля 1972 г.

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ АН СССР ТОВ. СУЧКОВУ Б. Л.⁴

КОПИИ: 1) РЕДАКЦИИ «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»⁵
2) ДОЦЕНТУ А. ЛОСЕВУ

⁴ Немаловажное обстоятельство – Б. Л. Сучков в то время являлся и членом редколлегии журнала «Вопросы литературы».

⁵ В письме именно так: РЕДАКЦИИ «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ».

Как я уже сообщал Вам несколько месяцев тому назад, случай ошибочного включения в Полное собрание сочинений М. Горького стихотворений, не принадлежавших ему, обсуждался всесторонне на заседании сектора. Было установлено, что редакторы издания ещё при подготовке первого тома к набору поставили перед текстологами задачу – объяснить, почему эти стихотворения, приписываемые раннему Горькому, написаны почерком Горького 1910 года и на бумаге каприйского периода. Иначе говоря, перед текстологами поставили проблему атрибуции. Решена же она была неправильно. Текстологи поддались, во-первых, гипнозу почерка Горького (к тому же писатель в зрелые годы нередко вспоминал свои ранние стихотворные произведения и переписывал их: так было с поэмой «Девушка и смерть», с «Балладой о графине Элен де Курси»), во-вторых, авторитету крупнейших исследователей творчества Горького – С. Балухатого, Н. Пиксанова, И. Лупола, И. Груздева, Б. Мейлаха, С. Касторского, Б. Бялика, – единодушно признававших, что эти стихотворения принадлежат Горькому, и включавших их в сборники его стихотворений (в частности, во все, выпущенные «Библиотекой поэта»).

Сейчас изучается вопрос, с какой целью Горьким были переписаны стихотворения Ив. Морозова и почему он упорно сохранял их в своих бумагах, так что на каком-то этапе они стали признаваться его собственными произведениями?

Допущенная ошибка, разумеется, будет исправлена. В последнем томе Редколлегия сообщит читателям, что в результате научных разысканий советских учёных⁶, в частности, доцента А. Лосева, установлено, что эти стихотворения принадлежат не Горькому, а поэту-самоучке И. Морозову, что Горьким они были лишь отредактированы и переписаны, видимо, с целью включить их в какой-то сборник, но издание не состоялось, а автографы остались в бумагах Горького и впоследствии были приняты исследователями за его собственные произведения. Постараемся внести в этот вопрос максимальную ясность⁷.

Мы сожалеем о том, что доцент А. Лосев не сигнализировал нам о своей случайной находке раньше: не исключено, что не повторилась бы ошибка, допущенная исследователями до нас⁸.

⁶ Эта фраза («в результате научных разысканий советских учёных...») не может не умилять: очень похоже, что А. И. Овчаренко готовит почву для того, чтобы даже из большого конфуза извлечь хоть какую-то выгоду, представив открытие преподавателя небольшого провинциального педвуза результатом коллективных «научных разысканий советских учёных». Уж не тех ли самых сотрудников сектора ИМЛИ (в том числе Овчаренко), которые готовили к печати ПСС Горького?

⁷ Вопреки этим официальным заверениям, в последнем томе ПСС об атрибуционной ошибке горьковедов и редколлегии издания не сказано ни слова! Имя А. В. Лосева, естественно, даже не упомянуто. Вместо признания ошибки и выражения благодарности тому, кто её обнаружил, редколлегия ПСС Горького ограничилась тем, что без лишнего шума, без каких бы то ни было пояснений просто не включила ни одно из четырёх опубликованных в первом томе стихотворений (о которых писал Лосев) в «Указатель художественных произведений (к томам I–XXIV)» (См.: *Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 25. М.: Наука, 1976. С. 642–652*).

⁸ Вот так поворот: автор научного открытия, которое стало результатом долгой и кропотливой исследовательской работы, в том числе архивной (впрочем, нет, в интерпретации профессора Овчаренко, доценту из Благовещенска просто повезло на «случайную находку»!), выставлен чуть ли не главным виновником допущенной ошибки: знал, но утаил, не «сигнализировал раньше». Раньше чего – выхода в свет первого тома ПСС Горького, раньше своего открытия?

Тем более, что, как уже было сказано, редакторы Полного собрания сочинений М. Горького не принимали этих произведений безоговорочно⁹.

Мы глубоко благодарны доценту А. Лосеву за его сообщение¹⁰ и направляем ему копию этого письма.

По поручению Главного редактора и сектора —

Профессор Ал. Овчаренко.

9.02.1972 г.

24.02.1972 г.

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Вашу статью «Ошибку надо исправить» мы посылали на научную консультацию в Институт мировой литературы АН СССР, в сектор, занимающийся изданием Полного Собрания сочинений М. Горького. В ответ мы получили письмо, подписанное по поручению главного редактора ПСС М. Горького и сектора проф. Ал. Овчаренко, в котором Ваша точка зрения на атрибуцию стихотворений, помещённых в первом томе ПСС М. Горького, признаётся справедливой, о чём, вероятно, Вам уже сообщили из Института мировой литературы.

Как явствует из полученного нами письма, редколлегия собирается в последнем томе исправить допущенную ошибку, сославшись при этом на Ваши изыскания. Так что выступать сейчас специально по этому поводу представляется нецелесообразным.

Редакция благодарит Вас за сообщение¹¹.

Напишите нам, пожалуйста, над чем Вы собираетесь работать в ближайшее время. Может быть, Ваши творческие замыслы и планы редакции совпадут, и Вы сможете выступить на страницах нашего журнала¹².

Рукопись возвращаем.

С уважением Г. Львова

ст. редактор отдела советской литературы.

Получив эти письма и всей душой не приняв изложенную в них лукавую аргументацию, Анатолий Васильевич решил напрямую обратиться к главному редактору «Вопросов литературы». Вряд ли он надеялся, что это поможет ему изменить позицию журнала. Им двигало желание объясниться начистоту, высказать всё, что он думает по поводу происходящего вокруг его статьи, твёрдо и открыто заявить, что научная истина не должна приноситься в угоду конъюнктуре.

Глубокоуважаемый Виталий Михайлович!¹³

⁹ Если не принимали, то почему об этом не сказали в примечаниях к первому тому ПСС Горького? Очень похоже на то, что профессор Овчаренко здесь лукавит, пытаясь спасти профессиональную репутацию редакторов издания.

¹⁰ Следует обратить внимание, что А. И. Овчаренко ведёт речь не о статье, как следовало бы, а всего лишь о «сообщении».

¹¹ То, что в начале письма Г. Львова было справедливо названо «статьёй», здесь чудесным образом (похоже, не без влияния автора предыдущего письма) трансформировалось в «сообщение». На этом манипуляции с жанровым определением, которое А. И. Овчаренко и с его подачи редколлегия «Вопросов литературы» подбирали для статьи Лосева, не закончились. Но об этом речь ниже.

¹² Всё это очень смахивает на откровенное обещание «отступного», если автор не будет упорствовать в своём стремлении сделать достоянием гласности всю эту конфузную для маститых горьковедов историю.

¹³ Письмо адресовано Виталию Михайловичу Озерову (1917–2007) – советскому критику, литературоведу, в 1959–1979 гг. главному редактору журнала «Вопросы литературы».

Немногим более месяца назад редакция «Вопросов литературы» возвратила мне рукопись моей статьи «Ошибку надо исправить» – о стихотворениях И. Морозова, авторство которых долгое время приписывалось Горькому и которые напечатаны в первом томе издающегося сейчас Полного собрания сочинений писателя. В сопроводительном письме (оно подписано старшим редактором отдела советской литературы тов. Львова) даётся объяснение, почему редакция отказывается от публикации статьи: поскольку-де Главная редколлегия ПСС Горького не только признала факт ошибочной атрибуции стихотворений, но и обещала сообщить о нём читателям в последнем томе, постольку «выступать сейчас специально по этому поводу представляется нецелесообразным». Как я понимаю, в письме тов. Львова выражено коллективное мнение редакции. Иными словами, моя статья отклонена не по самочинному решению редактора отдела, а с ведома и согласия членов редколлегии¹⁴ и, разумеется, с санкции главного редактора.

Как «случайный» автор, по отношению к которому редакция не брала на себя никаких обязательств, я не вправе предъявлять к журналу какие-либо претензии – юридического или морального порядка. Не хотелось бы, чтобы это моё письмо к Вам было истолковано как «крик души» обиженного автора или как смешная причуда провинциала, мечтающего приобрести патент на научное открытие. Я далёк от того, чтобы своей более или менее случайной находке придавать значение некоего «открытия», а себе приписывать заслугу «первооткрывателя». Разумеется, я желал бы видеть свою статью опубликованной, тем более что она потребовала гораздо больше труда и времени, чем это необходимо для напечатания 16 страниц машинописного текста. Оставим, однако, в стороне мой личный интерес. Самый предмет статьи касается не меня одного, поэтому я считаю себя вправе высказываться по поводу принятого редакцией решения.

Мне это решение представляется странным, если не сказать более. Может быть, я не могу судить о нём беспристрастно, как лицо заинтересованное? Нет, по поводу предмета своей статьи я беседовал с разными людьми, в том числе с людьми, причастными к литературе или литературоведению, и никто из них не сумел дать мне удовлетворительного объяснения, почему редакция с такой лёгкостью отклонила мою статью. Не знаю, что скрывается за дипломатичной формулой «представляется нецелесообразным». Похоже, однако, что редакция искала подходящий повод отказаться от публикации статьи, а когда такой повод, наконец, представился, поторопилась немедленно им воспользоваться. Именно поторопилась – другого слова я не нахожу.

В письме проф. А. Овчаренко, написанном по поручению Главной редколлегии ПСС М. Горького, даётся обещание, что в последнем томе читателям будет сообщено о допущенной ошибке. Заметьте: в последнем томе, который, если учитывать темпы издания, выйдет из печати не ранее, чем через 7–8 лет¹⁵. Это значит, что в течение 7–8 лет об ошибке будет знать только узкий круг людей: сотрудники сектора ИМЛИ, сотрудники архива М. Горького плюс несколько лиц из состава редакции «Вопросов литературы», которая в этой деликатной ситуации предпочла отделаться «фигурой умолчания». Не странно ли это?

Ежегодно у нас пишутся и защищаются диссертации, появляются десятки книг и статей о Горьком – и отнюдь не в одних только изданиях, выходящих под маркой ИМЛИ. Есть ли гарантия, что ошибка текстологов, по правде говоря, весьма конфузная – не введёт в заблуждение много, даже добросовестного исследователя, привыкшего доверять компетенции наших

¹⁴ В состав редколлегии журнала в этот период входили А. Дымшиц, В. Косолапов, Л. Лазарев, С. Машинский, Е. Осетров, В. Перцов, Б. Сучков, М. Храпченко и др.

¹⁵ А. В. Лосев ошибся ненамного: последний, 25-й том ПСС М. Горького вышел в свет в 1976 году.

уважаемых горьковедов – редакторов Полного собрания сочинений М. Горького? Конечно же, ни проф. Овчаренко, ни Главная редколлегия, которую он представляет, ни редакция «Вопросов литературы» не могут дать такой гарантии. Следовательно, ещё несколько лет под «горьковской» маркой будут фигурировать стихотворения, которых Горький никогда не писал, – до тех пор, пока сотрудники сектора ИМЛИ не внесут в этот вопрос «максимальную ясность». Это тем более странно, что в заблуждение введены не только литературоведы (их не так много), но и сотни тысяч читателей Полного собрания сочинений Горького: ведь тираж первого тома (300 тысяч экземпляров) намного превосходит совокупный тираж всех прежних изданий стихотворений Горького, выходящих под маркой «Библиотеки поэта»!

Беру на себя смелость утверждать, что редакция явно поторопилась с выводами, посчитав удовлетворительным объяснение проф. Овчаренко. Из его письма следует, что редакторы ПСС Горького ещё до выхода первого тома выражали сомнение в принадлежности стихотворений Горькому и задавали текстологам вопрос: «Почему эти стихотворения, приписываемые раннему Горькому, написаны почерком Горького 1910 года и на бумаге каприйского периода»? (Кстати, здесь проф. Овчаренко допускает неточность: стихотворения, о которых в данном случае идёт речь, не могли быть написаны ранее 1911 года, а относятся скорее всего к 1913–1914 гг., о чём и говорится в моей статье). Если такой вопрос действительно ставился, то почему в примечаниях к стихотворениям (составитель – И. А. Ревякина) утверждается со всей категоричностью, что автографы их написаны почерком «молодого Пешкова»? Заверение проф. Овчаренко, мягко говоря, не согласуется с фактами. Одно из двух: либо редакторы первого тома, заведомо зная, что автографы стихотворений (точнее – горьковские копии стихотворений И. Морозова) написаны «почерком Горького 1910 года и на бумаге каприйского периода», решились на сознательную фальсификацию, либо версия проф. Овчаренко, объясняющая конфузную ошибку и возлагающая вину на безмянных текстологов, придумана задним числом, причём автор её не слишком заботился о том, чтобы свести концы с концами, иначе говоря – придать своему объяснению видимость правдоподобия.

Первое предположение настолько чудовищно, что в него, право же, не хочется верить. Второе, если оно верно, также не в пользу проф. Овчаренко. Трудно сказать, на кого рассчитано его объяснение.

В конце моей статьи ставится вопрос: «Как могло случиться, что Горькому были приписаны стихотворения, которых он не писал? Что это: элементарная ошибка, из тех, какие случаются иной раз в исследовательской практике? Или ещё один пример недобросовестной, конъюнктурной атрибуции?»¹⁶ Письмо проф. Овчаренко ещё раз подтверждает, что такая постановка вопроса имеет под собой реальную почву. (Разумеется, я далёк от того, чтобы ошибку редакторов ставить в вину лично проф. Овчаренко.)

Позиция журнала «Вопросы литературы» для меня остаётся неясной. Возможно, редакция просто не вникла – или не захотела вникать – в существо дела, посчитав, что письмо проф. Овчаренко даёт исчерпывающее объяснение и что на этом можно поставить точку. Или решение редакции надо понимать как тактический ход, предпринятый с целью избежать возможных неприятностей. Объективно это выглядит как попытка защитить авторитет людей, присвоивших себе права единственных непогрешимых толкователей Горького, оградить их от самонаименованной критики со стороны «непосвящённых».

Адресуясь к Вам как к главному редактору журнала, я хотел бы знать Ваше мнение по существу вопроса, поставленно-

¹⁶ Приведённая цитата – не из статьи «Ошибку надо исправить», о которой идёт речь в данном письме, а из первоначальной её редакции («М. Горький или И. Морозов?»), ранее тоже отвергнутой редколлекцией «Вопросов литературы».

го в моей статье, а также по существу высказанных в этом письме замечаний.

Жду Вашего ответа.

Между прочим, моя статья (точнее – рукопись её) была послана в двух экземплярах – согласно требованиям журнала. Редакция возвратила почему-то только второй экземпляр. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы возвратили первый экземпляр.

Мой адрес: г. Благовещенск-6 Амурская область, ул. Ленина, 78, кв. 23 (индекс 675006), Лосеву Анатолию Васильевичу.

г. Благовещенск,

10 апреля 1972 г.

Ответа на это письмо от редактора солидного столичного журнала провинциальный доцент не дождался (по крайней мере, в беседах с автором данного комментария А. В. никогда о его существовании не упоминал). Да и что мог ответить В. М. Озеров на столь убедительные аргументы и столь нелюбезные, но справедливые вопросы автора статьи? Что он согласен с доцентом Лосевым и готов ради торжества научной истины и банальной человеческой справедливости опубликовать статью и тем самым навлечь на свою голову гнев влиятельных персон от советского литературоведения и, возможно, раздражение партийных чиновников, отвечающих за состояние дел в сфере литературы? При всём уважении к главному редактору «Вопросов литературы» предположение, что он готов был в данной ситуации рисковать своим собственным положением, кажется фантастичным.

Тем не менее опасения упомянутых высоких лиц, что скандальная история может получить нежелательную для них огласку, что дотошный кандидат наук из Благовещенска не успокоится и станет стучаться в другие двери, вынудило их, скрепя сердце, составить ещё одно письмо. Расчёт, видимо, строился на том, что преподаватель провинциального вуза сойдёт с ума от счастья, получив благодарственное послание от знаменитого на весь мир писателя Леонида Леонова, и тем удовлетворится. Письмо отпечатано на бланке Института мировой литературы им. Горького. Текст содержит незначительную правку от руки и приписку.

26 января 1973 г.

Благовещенск 6, Амурской обл.,

ул. Ленина, 78, кв. 23.

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Благодарю Вас за интересное письмо, с которым меня ознакомила редакция журнала «Вопросы литературы»¹⁷. Сожалею, что о своей находке Вы не сообщили раньше. Может быть, в этом случае удалось бы предотвратить ошибку¹⁸.

Ваши, дорогой Анатолий Васильевич, соображения о том, что текстологи не всегда обязаны считаться с автографом, конечно, справедливы. Но следует учитывать и тот факт, что, внося несколько поправок в текст стихотворения Ив. Морозова

¹⁷ Внимание, завершающая фаза манипуляций: статья Лосева превращена в «письмо в редакцию»! Вряд ли это придумка Л. М. Леонова, похоже, что автор столь изощрённо подобранного жанрового определения носил другую фамилию. И, скорее всего, она начиналась на букву «О».

¹⁸ Напомню: последние два тезиса впервые были сформулированы в письме А. И. Овчаренко от 9 февраля 1972 года.

«Не браните вы...»¹⁹, Горький придал ему иную расцветку, изменил ритм, сделав его более энергичным, а вписав в него строчку «Я пою о стремлении к свету»; сблизил его с собственным творчеством, в котором, как Вы знаете, этот мотив звучит, начиная с «Песни о Соколе».

Ещё ошутимее рука Горького в двух других стихотворениях, правленных им²⁰.

Всё это, а самое главное, конечно, то, что стихотворения переписаны рукой Горького, и ввело в заблуждение названных Вами учёных.

Видимо, в конце этого года выйдет в свет первый том вариантов к художественным произведениям М. Горького²¹. В комментариях к нему будет подробно рассказана творческая история произведений, долго приписывавшихся Горькому. Разумеется, там говорится о Вашей роли в выяснении подлинного автора стихотворений²². На всякий случай, я снова напомнил об этом моему заместителю – профессору А. И. Овчаренко. Он подтвердил, что это решение редколлегии будет выполнено.

Ещё раз благодарю Вас.

Желаю творческих успехов.

Ваш Л. Леонов.

[Ниже, помимо подписи Леонова, есть его приписка от руки. – А. У.]:

АВ. Прошу извинить меня за опоздание с ответом.

(на запрос из журнала)

2 ф. 1973²³.

Окончательно убедившись, что шансов напечатать статью в «Вопросах литературы» нет, что научная Москва заняла глухую оборону, Анатолий Васильевич предложил её журналу «Дальний Восток», с которым плодотворно

¹⁹ Название стихотворения вписано от руки чуть выше отпечатанных строк. Судя по почерку, правку вносил не Л. М. Леонов. То есть, похоже, текст письма составлял (и правил его) отнюдь не главный редактор ПСС Горького, а, скорее всего, его заместитель – то есть Александр Иванович Овчаренко. В этом случае очень пикантной выглядит ссылка в конце письма на профессора Овчаренко, которому будто бы Леонов напомнил о необходимости в будущем отметить роль доцента Лосева в обнаружении атрибуционной ошибки.

²⁰ А вот ещё одна логическая манипуляция: Горький превращён в соавтора стихотворений Морозова! Нет, автор романа «Русский лес», создатель образа Грацианского и образов других околонуточных «вертодоксов», вряд ли был способен придумать такое.

²¹ Книга, о которой здесь говорится, вышла не в 1973-м, а годом позже. См.: *Горький М. Полное собрание сочинений: Варианты к художественным произведениям. Т. 1. Варианты к томам I–V. 1885–1907. М.: Наука, 1974. 644 с.*

²² Судя по этому абзацу, не позже начала 1973 года редколлегия ПСС Горького отказалась от первоначального решения (и от данного А. В. Лосеву обещания) объясниться с читателями в 25-м томе, тираж которого составил 298300 экземпляров, предпочтя сделать это в малотиражном (всего 23200 экз.) и адресованном лишь узким специалистам приложении к изданию.

²³ Нельзя не обратить внимание, что письмо подготовили за неделю до того, как его прочёл и подписал главный редактор ПСС. Поставив в конце письма иную дату, чем стоит в его начале, и дописав от руки извинение за опоздание с ответом, Леонид Максимович тем самым вольно или невольно дал понять, что данный текст принадлежит не ему. Эти обстоятельства – ещё одно косвенное свидетельство, что составитель письма и тот, кто его подписал, – разные лица.

сотрудничал несколько лет. Впрочем, если судить по приводимому ниже письму, и в этом случае особых иллюзий автор не питал.

Глубокоуважаемый Николай Митрофанович!²⁴

<...>

Как обстоит дело с моей статьёй о стихотворениях И. Морозова, приписанных Горькому? По всему чувствую, что решение редакции – не в мою пользу. Если это так, очень прошу Вас вернуть рукопись. Претензий к журналу у меня, разумеется, нет. Статья моя побывала в разных местах, отклонялась, принималась и вновь отклонялась. Между прочим, некоторые товарищи пытались представить дело так, будто статьи вовсе и не было, а было письмо в редакцию журнала «Вопросы литературы» – письмо, автор коего сообщил об атрибуционной ошибке. «Да был ли мальчик-то?»

Впрочем, извините за отступление. Не хотелось бы, чтобы это моё письмо к Вам было воспринято как этакий «крик души» обиженного автора, которого не хотят печатать. Меня пытались убедить, что для пользы дела статью не следует печатать. Но о какой такой «пользе дела» идёт речь, я, ей богу, никак не могу уразуметь. Если редакция «Дальнего Востока» сочла статью неудобной для публикации в неспециальном журнале, будем считать, что вопрос исчерпан²⁵.

<...>

Жду Вашего ответа.

С искренним уважением А. Лосев

г. Благовещенск,

24 декабря 1973 г.

Теперь о финальном аккорде всей этой растянувшейся на несколько лет интриги. Было ли выполнено обещание главного редактора ПСС «подробно рассказать» творческую историю приписывавшихся Горькому стихотворений? Исполнил ли профессор Овчаренко другое обещание (замаскированное, как отмечалось выше, под распоряжение Леонова) – рассказать о роли доцента Лосева в обнаружении атрибуционной ошибки и в выявлении подлинного автора стихотворений?

Да, в упомянутой в письме за подписью Л. М. Леонова книге тема эта получила развитие²⁶, но, как и следовало ожидать, весьма специфическое.

Раздел комментария, посвящённый включенным в первый том ПСС Горького стихотворениям, начинается с явно неприятной для редколлегии издания констатации: «В томе I среди 17 стихотворений и стихотворных набросков ошибочно – без необходимых оговорок, как принадлежащие Горькому, помещены произведения “Не браните вы музу мою...”, “Я плыву, за мною следом...”, “Звук её, ласкающий и милый...” и “Тому на свете тяжело...” (стр. 434–437)»²⁷.

²⁴ Письмо адресовано Николаю Митрофановичу Роголю (1909–1977) – известному на Дальнем Востоке прозаику, драматургу, журналисту, в 1955–1977 гг. занимавшему пост главного редактора журнала «Дальний Восток».

²⁵ Ни в «Дальнем Востоке», ни в каком-либо ином издании статья А. В. Лосева не была напечатана.

²⁶ См.: *Горький М. Полное собрание сочинений: Варианты к художественным произведениям. Т. 1. Варианты к томам I–V. 1885–1907. М.: Наука, 1974. С. 109–113.*

²⁷ *Горький М. Полное собрание сочинений: Варианты к художественным произведениям. Т. 1. Варианты к томам I–V. 1885–1907. М.: Наука, 1974. С. 109.*

Однако этим единственным предложением «покаянная» часть и исчерпывается. Впрочем, само «покаяние» выглядит, по меньшей мере, странно, ведь редакция сожалеет не столько о том, что включила в собрание сочинений Горького чужие стихи, сколько о том, что сделала это «без необходимых оговорок». Получается, редакция ПСС приняла за истину высказывавшееся ранее А. И. Овчаренко мнение, что «основоположник литературы социалистического реализма» является в данном случае соавтором произведений Ивана Морозова, а потому включение в Полное собрание его сочинений стихов крестьянского поэта-самоучки в принципе допустимо, но с «оговорками». То есть грубой атрибуционной ошибки, которую обнаружил и о которой писал в своей статье кандидат филологических наук из Благовещенска, оказывается, не было...

Вторая фраза комментария носит характер «оправдания» или, точнее, самооправдания. В ней внушается: недоразумение было запрограммировано тем, что обнаруженные в архиве писателя стихи Морозова «написаны рукой Горького». Все изложенные в статье А. В. Лосева многочисленные обстоятельства, которые должны были в принципе исключить грубейшую текстологическую ошибку, в комментарии не упоминаются вовсе. Причина умолчания очевидна: в противном случае старательно возводимая комментаторами оправдательная конструкция легко рассыпалась бы.

А вот с третьего предложения того же первого абзаца и вплоть до конца трёхстраничного комментария почти всё подчинено одной сверхзадаче – доказать во что бы то ни стало, что Горький не просто переписал стихи Морозова и даже не только отредактировал их, но и фактически выступил в роли полноправного соавтора: «Автографы их [стихов Морозова] содержат следы упорной работы писателя почти над каждой строкой (изъятие целых строк, поиски более точных эпитетов и т. п.), что в какой-то мере и сроднило эти стихотворения по особенностям их поэтики с другими стихами Горького»²⁸. И далее: «...Горький выступил в данном случае не просто как редактор. Проясняя содержание и усиливая идейную направленность первого из названных произведений [«Не браните вы музу мою...»], он коренным образом переделал вторую строфу, заново написав три строки; в третьей строфе Горьким написаны заключительные две строки. Наконец, в последней строфе Горький сделал более энергичным внутренний ритм, изменив, таким образом, тональность всего произведения»²⁹. Под таким же углом комментируются и другие стихотворения. Но насколько корректны эти сопровождаемые примерами сравнения, если комментаторы признают, что не знают точно, для чего Горький правил (а правил ли?) произведения Морозова, если им неизвестно, знакомил ли он с этой правкой (если она была) автора? А главное: что стало основанием для категоричных утверждений, если у редакторов и комментаторов, как мы знаем, не было на руках присланных Горькому автографов стихов Морозова? Не имея таковых, они сравнивают переписанные Горьким стихотворения с вариантами, опубликованными ранее поэтом-самоучкой в периодических и иных изданиях (кото-

рые и нашёл Лосев). Однако можно ли полностью исключить, что Морозов отправил Горькому уже отредактированные варианты своих стихов? Насколько вообще правомерен безапелляционный вывод о Горьком-соавторе, если никто не видел присланных ему крестьянским поэтом автографов произведений и потому не может уверенно судить о характере правки? Только они, автографы, могли бы дать законное основание для столь категоричного заключения. Но редколлегия ПСС М. Горького отсутствие документальных подтверждений принятой на веру научной гипотезы не смутило, ибо она, судя по всему, не столько стремилась к установлению истины, сколько искала основания для самооправданий.

Что касается обещания рассказать о роли Лосева, то и здесь формальность как будто бы соблюдена – имя Анатолия Васильевича, хотя и единожды, упомянуто: «В результате новых научных поисков кандидату филологических наук А. В. Лосеву удалось установить, что автором стихотворений “Не браните вы музу мою...”, “Я плыву, за мною следом...”, “Тому на свете тяжело...” является поэт-самоучка И. И. Морозов (1883–1942)»³⁰. Возникает, правда, вопрос: почему в комментарии прямо не сказано, что именно он, Лосев, и обнаружил ошибку, а не только установил подлинного автора приписывавшихся Горькому стихотворений? Недоумение вызывает и следующая фраза комментария: «Были обнаружены публикации стихотворений <...>. Кем «были обнаружены»? Почему нельзя было сформулировать таким образом, чтобы читатель не гадал, кто конкретно обнаружил эти самые публикации? Почему ничего не сказано о том, что хотя «кандидат филологических наук» из Благовещенска и не установил, где И. Морозов опубликовал четвёртое стихотворение («Звук её, ласкающий и милый...»), но именно он высказал уверенное предположение, что и это произведение принадлежит малоизвестному крестьянскому поэту? А вот о своём собственном крохотном (в сравнении с тем, что сделал А. В. Лосев) вкладе редакторы не забыли отразить: «Дополнительными разысканиями участников настоящего издания установлено, что стихотворение “Звук её, ласкающий и милый...” представляет собой отрывок из стихотворения того же И. Морозова...»³¹. Почему бы не отметить, что эти самые «дополнительные разыскания» были инициированы «кандидатом филологических наук»?

Отчего, наконец, комментаторы (сдаётся, не без благословения редакторов) умолчали, что большая часть их содержательных посылов является пересказом или прямым цитированием статьи Лосева, строится на результатах проведённого им исследования? Потому, похоже, что выполняли выработанную редколлекцией ПСС Горького установку: умалить значимость научного открытия доцента из Благовещенска, значимость проведённой им высокопрофессиональной работы.

Приведённые выше факты помогают получить представление не только о конкретном случае, спровоцированном научным открытием А. В. Лосева, но и о самих механизмах и принципах функционирования историко-литературной науки советского времени, о нравах, царивших в стенах главного научно-исследовательского института страны.

²⁸ Горький М. Полное собрание сочинений: Варианты к художественным произведениям. Т. 1. Варианты к томам I–V. 1885–1907. М.: Наука, 1974. С. 109.

²⁹ Там же. С. 110.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 112.